Проект Союза писателей России «Донбасс — земля героев!», вызванный к жизни начавшимися в 2014 году событиями на Украине, в мае 2018 года ознаменовался очередной литературно-патриотической экспедицией в Донецкую и Луганскую народные республики. Поездка, продолжавшаяся с 10 по 12 мая, была приурочена к 75-летию освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков и охватила памятные исторические места: курган Саур-Могила, мемориальный комплекс «Миус-Фронт», города Луганск и Краснодон. В делегацию, возглавляемую правлением Союза писателей России, вошли преимущественно молодые авторы из Москвы, Дмитрова, Ульяновска, Белгорода, Воронежа. Общее число участников — 26 человек. Организаторами принимающей стороны выступили Луганская писательская организация имени Даля, министерство культуры и спорта ЛНР, министерство инфраструктуры и транспорта ЛНР.

* * *

ЛУГАНСК / НОВОСТИ ЛНР
10 мая в 12:52

11:35–12:10 — зафиксирован обстрел со стороны ВСУ по направлению н.п. Жованка — н.п. Зайцево с применением минометов калибром 82 мм (2 мины), АГС (29 гранат), крупнокалиберных пулеметов и стрелкового оружия.

Запись в сообществе ВКонтакте

ВОРОНЕЖ

Автобус, выехавший из Москвы в полдень, к десяти вечера наконец-то добрался до воронежской окружной дороги.

Мы закоченели — пять часов ожидания на М–4, пропахли дымом — от холода углубились в посадки и развели костер.

— Воронежцы, без потерь? — Сергей Иванович Котькало, сопредседатель правления Союза писателей России и руководитель делегации, встречает у задней двери автобуса.

— Все.

Эти «все» — пять человек. Мои ровесники, поэты и студенты Аня Ковалева, Вася Нацентов, Сережа Рыбкин. Четвертый — я. Пятый — Миша Калашников. Самый старший из нас — уже семейный. Не поэт — прозаик.

— Все в порядке? — интересуется Котькало.

Отвечаем положительно, только жалуемся на долгие ожидания.

— Ничего, завтра будет еще хуже, — замечает Василий Владимирович Дворцов, заместитель председателя правления Союза писателей.

— Почему?

— Завтра всегда хуже, чем сегодня.

Фраза Дворцова вкупе с подозрительной задержкой усиливает нашу настороженность.

Но пути назад нет. За окном автобуса остался Воронеж, с задних сидений баян глушит неокрепший девичий голос, вытягивающий «Этот День Побе-е-едыы-ы...», моторный рык в автобусном сумраке давит неотвратимым сном.

ГРАНИЦА

Я проснулся от света: резкие утренние лучи врывались в окно автобуса. Зеленая гладь полевых перекатов рассеивала взгляд.

По разговорам Котькало понял, что стоим на границе. Стоим долго, можно прогуляться.

С Васей и Серегой идем к продуктовой палатке — купить кофейку и взбодриться. Опять зябко — утро солнечное, но холодное. На удивление, много людей. Пересекают границу — пешком, привычно.

Очередь у палатки. Ярко выраженный южнорусский гомон — южный, но русский. Мужики чешут языки — о пулях, гранатах — и заказывают сосиски в тесте.

К нам в автобус подсаживается мужчина в камуфляже — коренастый, коротко стриженый. Несколько напряженный.

— Это тоже наш поэт, — говорит Котькало, братаясь с товарищем.

— Поэт... — улыбается в ответ. Улыбка — больше оскал, чем улыбка.

Долго стоим. Наши водители-напарники грузят в багажник белые тюки. После погрузки оглашают:

— Если спросят, что везете, говорите — подарки для писателей. Не употребляйте формулировку «гуманитарная помощь».

Наконец, после часового простоя, трогаемся. Впереди — погранзастава. Проверяют с обеих сторон.

Прапорщик проходит по автобусу, собирая паспорта. Обязательно «голые» — без корочек.

— Вы их нам не вернете? — шутит Аня Ковалева.

Прапорщик с ухмылкой уносит документы на пост.

Минут пять-семь ожидаем.

Прапорщик возвращает удостоверения наших личностей.

Кто-то подначивает:

— Проверьте, все ли странички целы!

Наши погранцы, с «АК» на бедре, провожают нас за шлагбаумом.

С вещами на выход — на этой стороне серьезнее: турникеты, паспортный контроль, проверки по базе данных. Некоторым дополнительно задают вопросы: «Какую организацию представляете?», «С какой целью?»…

В какой-то момент выясняется, что у водителя проблемы с автобусом — с документами на него. Котькало делает контрольный звонок — проблема решена.

Три цвета в небе: голубой, синий, красный.

Три буквы на фронтоне: Л, Н, Р.

Мы пересекаем границу.

ДОРОГА

Уже около часа едем по донбасской земле.

— Похоже на бабушкин хутор в Брянской области, — замечает Аня Ковалева, — почти такая же холмистая местность, такие же домики — только на Брянщине людей больше.

Владимир Афанасьевич Казмин, председатель Луганской писательской организации имени Даля, рассказывает про эти места. Он сам — с Луганщины, из шахтерского поселка Михайловка. Работал в шахте. Воевал в Афганистане. Военкором выезжал в Приднестровье. Был в Чечне.

Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте имени Горького (семинар Юрия Кузнецова).

В 2014-м, отправив семью в Россию, остался на родине — защищать дом.

О том, что было на этой земле, Казмин рассказывает негромко — шум мотора заглушает его голос.

— Володь, погромче, — просят в автобусе.

Громче не может.

Хорошо бы остановиться — глотнуть донбасский воздух. Тормозим в поле. А это не поле — это бывшее придорожное кафе. Понял это, когда увидел две постройки — два деревянных остова на камнях. С обвалившимися крышами. Ни окон, ни дверей — все выбито. На полу напоминанием о бывшей жизни — осколки стекла, жестяные котелки.

Кажется, только колодцу у порога все нипочем.

Умываюсь и напиваюсь ключевой водой.

Железом отдает донбасская вода.

По дороге к автобусу догоняю нашего баяниста (это он вчера играл «День Победы»). Понимаю, что знаком с ним — не могу только вспомнить, когда и где мы пересекались. Ясность приходит, как только слышу имя и город: Владимир Комаров из Ельца.

«Червленый яр», — осеняет меня, — елецкий ансамбль:

— Вы у нас выступали — в Лебедяни.

— О-о! Так ты из Лебедяни? Земляк!

Характерная повадка судьбы — сводить земляков на чужой земле. Оба мы из Липецкой области. Сразу вспомнилось, где, когда и при каких обстоятельствах познакомились.

Комаров — елецкий композитор. Музыку пишет, стилизуя под народные мотивы, на стихи русских поэтов: Николая Рубцова, Павла Шубина, Константина Скворцова…

Песни уходят в народ, приживаются. Но народная стихия стирает имена их авторов.

Владимир Григорьевич расчехляет инструмент. Зачинает елецкими мотивами, подхватывает военными мелодиями. Автобус подпевает:

Еще немного, еще чуть-чуть…
Последний бой — он трудный самый.
А я в Россию, домой хочу,
Я так давно не видел маму!

— Он вчера, перед нашим отъездом, звонил мне, — говорит Котькало, — передавал всем привет и желал доброго пути.

Ножкин.

* * *

Чем дальше от границы, тем хуже дорога.

Мелькают на трассе рытвины. Свежие — бомбили недавно.

Ухабы, разломы и горы — на Донецком кряже сбрасываем скорость.

Эх, дороги!..

На телефоне — ни единой «палки» связи. Да и, наверное, к лучшему: режим молчания — одно из условий поездки.

Дорога ползет вверх, сужаясь. Дотянуть до контрольной точки, а там нас уже ждут.

Пятиминутный «привал» в горном поселке: получаем пакет с провиантом — банками тушенки и хлебом — сверяем обстановку и снова в путь.

В животе ничего не было со вчерашнего вечера. Условия походные. Главный столовый прибор — нож.

Дорога и селение разбиты. По обочинам цветет сирень. Подъезжаем к Саур-Могиле.

САУР-МОГИЛА

— Ребята, инструмент будем нести по очереди, — Комаров выносит из автобуса баян. По дороге к кургану меняемся каждые десять минут, чтобы экономно расходовать силы.

«Здесь раньше вставала земля на дыбы, а нынче гранитные плиты»…

Земля на дыбы здесь вставала дважды: в сорок третьем году XX века и четырнадцатом — XXI века. По исторической прихоти — оба раза в августе.

…По выжженной солнцем, потрескавшейся земле, обдирая о каменные склоны кулаки и ребра, ползут к вершине кургана бойцы. Ощерившиеся немецкие дзоты выплевывают гранаты. Они катятся вниз по склону, мешаясь с камнями и осколками, подпрыгивают и рвутся, выбрасывая в воздух куски земли и тел в пыльной, дымной оболочке. А там, у подножья высоты 277,9, залегшие остатки дивизии, обсыпаемые пулеметным свинцом, укрываются трупами товарищей в ожидании красной ракеты.

Имена их сегодня выбиты на гранитных плитах, у того самого подножья. Выбиты пулями четырнадцатого.

Испещрена ими мусорная урна с надписью «Дякуємо!»

С головы пилота на пилоне «Летчикам слава!» сбит шлемофон — прямым попаданием снаряда.

Из вымощенной кирпичными плитами тропинки торчит «двустволка» — единственное дерево, выжившее на Саур-Могиле в сорок третьем. Выжило оно и в четырнадцатом. Георгиевские ленточки вместо листьев на этой усохшей коряге.

Камни, балки, листы металла, корявые железные пруты и осколочные насыпи.

Тридцатишестиметровый железобетонный обелиск, облицованный гранитом, и чугунный девятиметровый солдат в плащ-палатке, с ППШ в поднятой вверх правой руке, стали обломками. Обломками памяти.

Надпись на останках стены: «Здесь погибли Толстый и Филин. 08.07.2014». Два искусственных цветочка под голым изуродованным фундаментом.

На острие высоты, у руин обелиска и солдата, митингует наша делегация. Под своими знаменами наши соседи-попутчики белгородцы (они тоже приехали с нами). Подтянулся народ — журналисты, студенты, школьники. Медалью Белгородского отделения Союза десантников России награждают товарища Мельника — четыре года назад он был здесь. Беседуют с легендарной, по словам Котькало, женщиной — генералом юстиции, которая, когда начались события на Донбассе, оставила службу и стала самостоятельно снаряжать и возить гуманитарные грузы в Донецк. Скромная, светловолосая, с правильными чертами лица и красивой фигурой, она почти все время молчит, и мало что в ней выдает ее биографию — разве только какие-то *фаталистические глаза*.

Воронежская делегация молодых литераторов на Донбасс. *(Слева направо)* — Михаил Калашников, Павел Пономарев, Сергей Рыбкин, Анна Ковалёва, Василий Нацентов *(сидит)* у памятника автору «Слова о полку Игореве» в Луганске

Вспоминаю старушку, которую встретил на кладбище у подножья высоты — в платочке и шали, будто лубочная, она ходила между крестов и холмиков, где лежат ребята, погибшие здесь в четырнадцатом году.

А наши ребята — из Совета молодых литераторов Союза писателей — читают патриотические стихи. Поют «День Победы» под баян Комарова.

Но за порывами ветра на курганной равнине не слышно ни слов, ни музыки. Ветер клонит степные цветы и юный, еще не оперившийся ковыль. Внизу чернеет полоска земли с красной двигающейся точкой, за которой тянется пыльная дымка — это трактор пашет борозду.

Историческая справка: Жители Донецка Александр Горячев и Максим Могилевский — ополченцы из батальона «Восток» с позывными «Филин» и «Толстый» — были убиты 8 июля 2014 года попавшим в их окоп украинским снарядом. Они стали первыми военными жертвами на Саур-Могиле спустя семьдесят один год. Мраморная плита в память о них расположена на склоне высоты 277,9. Донецкая земля здесь как на ладони: если приглядеться, можно увидеть родной город Филина и Толстого, стоящий в девяноста километрах отсюда.

ЛУГАНСК / НОВОСТИ ЛНР
11 мая в 14:45

Зайцево. Тяжелый раненый в шею мирный. Прямое. Сейчас. Артемовская, 38. Швидкой Валерий.

Запись в сообществе ВКонтакте

МИУС

Миус — это река, берущая начало на склонах Донецкого кряжа. По ней проходит граница между Донецкой и Луганской областями. С декабря 1941 года по август 1943-го здесь пролегала линия Миус-фронта — намертво укрепленного оборонительного рубежа немецких войск.

По этим землям едем в сторону Красного Луча — города, контролируемого сегодня Луганской Народной Республикой. Два года назад Верховная Рада Украины приняла решение о переименовании Красного Луча в Хрустальный. Власти города кампанию декоммунизации не приняли и решение украинского парламента не признали.

— Луганск беднее Донецка, — угадывает наши мысли Василий Владимирович Дворцов.

Появилась мобильная связь.

Разговор Котькало по телефону:

— Мама, я на Донбассе… Да, все в порядке… У тебя как дела?.. Как ты себя чувствуешь? Не могу говорить… Позвоню, конечно…

Сергей Иванович перебирает пальцами четки — сколько обращаю внимание, никогда их не выпускает из рук. Почти, как и сигарету — курит через каждые полчаса. Даже в автобусе — то открывает, то закрывает верхний люк.

— О-о-о, а это наши псы, — «юморит», когда останавливаемся на трассе перед вооруженным конвоем. Выходит навстречу.

— Да что везу, пули везу, — улыбается, заходя в автобус с патрульным, открывает верхние отсеки над пассажирскими сидениями. Патрульный небрежно задирает голову, кивает, уходит.

Сергея Ивановича зовем в шутку «Сталкером».

— Готовьтесь, — говорит нам, — подъезжаем. Будет встреча с ветеранами — будете читать стихи.

В семи километрах от Красного Луча, на мемориальном комплексе «Миус-Фронт», нас встречают местные жители. Из ветеранов вижу только одну женщину — с медалью «Ветеран труда» и красной лентой Почетного гражданина.

Елена Павловна Специальная в войну была девчонкой. Родилась на Полтавщине, а в Красный Луч переехала, когда закончила учебу. Работала на шахте, в свободную минуту вышивала. Сегодня носит звание Народного мастера Луганщины.

Встречает торжественной речью — четко, без запинки. Знает ее как будто заученное стихотворение. Так и есть — читает стихи местного поэта Бориса Севастьянова:

Не пил наркомовских сто грамм,
Не пал на безымянной высоте,
Не мучился в бреду от тяжких ран,
И срок не мой в Колымской мерзлоте…

Да, стихи здесь знают: девочки-десятиклассницы читают строки о войне, написанные советскими классиками.

Свои, к сожалению, не читают — говорят, не пишут.

Опять награждение. Опять баян. Елена Павловна запевает «Катюшу». Девушки, стоящие рядом, подхватывают. Котькало пускается в пляс, берет под локоток школьниц: хороводит со светленькой, вальсирует с темненькой.

Дышится здесь *легче*: на лицах у жителей — *легкие* улыбки; меньше скованности, больше огня в глазах.

И смартфоны имеются — кто-то снимает встречу на видео.

Нас проводят в Музей боевой славы шахтеров.

Рассказывают, как в сорок третьем шахтерские дивизии погнали немцев с этой земли.

Последняя экспозиция открылась в 2016 году:

— Мы вспоминали дни не по числам, а по событиям — вместе со всеми, кто остался живой в городе, — рассказывает сотрудница музея.

Экспозиция пополняется и обновляется: под стеклом — фотографии земляков, погибших за четыре года.

«Эти четыре года…»

Уже — не те.

* * *

«О войне помнить, чтобы войну не повторять», — так написал в музейной Книге отзывов.

От музея, вниз к Миусу, аллея: фруктовые деревья высажены в начале века — восемнадцать лет назад, когда отмечалось 55-летие Победы.

За аллеей — яблоневый сад. Каждая яблоня посажена в память о погибшем шахтере.

За садом несет свои воды Миус.

За Миусом — Луганск.

ЛУГАНСК

Уже темнеет. Останавливаемся за несколько километров от города. Мужчина в камуфляже, ездивший все это время с нами, покидает автобус, обнимаясь на прощание с Котькало.

Дорога, степное поле — здесь в сорок третьем отряд советских разведчиков держал оборону. Здесь до сих пор следы от окопов — единственных укрытий на этой равнине. Правда, все заросло бурьяном — впереди еле различима пирамидка братской могилы.

Идем поклониться.

— Недавно один дед пошел козу пасти, — рассказывает Владимир Афанасьевич Казмин, — жалко козу, но деда зато спасла — подорвалась на растяжке. Здесь все было заминировано уже в наше время.

Приостанавливаемся.

— Да ничего, — успокаивает Казмин, — разминировали уже — вроде как.

На камне у братской могилы — тринадцать имен.

— Это не все, — объясняет Владимир Афанасьевич, — только те, чьи имена удалось установить. Мы здесь с ребятами-поисковиками работали — до войны…

Красивая земля. Богатая земля.

Но земля кажущегося спокойствия: каждый метр ее пропитался кровью.

Около десяти вечера въезжаем в Луганск.

Селимся в отеле.

Кроме нас и персонала — больше никого.

Смешанные чувства: ощущение пустоты и наигранного, фальшивого комфор-

та. Как будто незаслуженно ем эту отбивную в столовой, принимаю теплый душ, пользуюсь стационарным телефоном и бесплатным Wi-Fi. Когда под боком домá с разбитыми окнами, обвалившейся кровлей — там тоже люди живут.

Наконец-то написал маме. Режим молчания здесь — *щадящий*.

Нашей воронежской компанией идем прогуляться по городу — до ближайшего ларька, что в пятидесяти метрах от отеля. Предупреждают, чтобы вернулись до 23:00 — комендантский час.

Продавщица в ларьке — женщина лет тридцати пяти, кряжистая, с басовитым говорком — долго нахваливает свой товар, но над потребительской свободой выбора не довлеет. Благо, есть из чего выбирать — то ли завоз недавно был, то ли покупателей давно не было. Скорее, второе: по хозяйке видно, что соскучилась по разговору — тянет из нас слова. На приезжих у нее глаз наметан:

— А откуда вы?.. А как у нас оказались?.. А зачем приехали?..

Отшучиваемся, что путешественники из дальних краев — из России.

Сразу замолкает.

— Смотрите, какие у них цены, — Вася Нацентов водит взглядом по прилавкам, — продукты вдвое дешевле, чем у нас!

(Вспоминаю свое детство, когда бабушка отправляла меня в магазин за хлебом и давала пятнадцать рублей; было это больше десяти лет назад.)

Возвращаемся в гостиницу, но отдыхать никто не торопится: надо посидеть.

Хорошо сидим — так хорошо, что стыдно.

Выписка из кассового чека:

Батон «Луганский» — 12 рублей.

Сигареты «Dontabak red» — 24 рубля.

Водка «Столітній дуб» (производства ООО «ЛУГА-НОВА») — 105 рублей.

ЛУГАНСК / НОВОСТИ ЛНР
11 мая в 23:09

Зафиксированы обстрелы со стороны ВСУ по следующим направлениям:

21:40–22:10 — н.п. Авдеевка (войсковая часть) — н.п. Спартак: произведено 7 выстрелов из СПГ, 29 выстрелов из АГС;

21:45–22:15 — н.п. Дзержинск (ш-та Южная) — н.п. Горловка (ш-та им. Гагарина): выпущено 8 мин калибром 120 мм;

21:55–22:25 — н.п. Новоселовка 2 — н.п. Васильевка: произведено 29 выстрелов из АГС, 100 выстрелов из БТР, также применялось стрелковое вооружение;

22:10–22:40 — н.п. Новолуганское — н.п. Доломитное: выпущено 10 мин калибром 120 мм и 10 мин калибром 82 мм.

Запись в сообществе ВКонтакте

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ

Сегодня День республики.

По городу вывешены флаги. Местами звучит музыка.

Едем на кладбище.

В голове прокручиваю воспоминания вчерашней ночи.

Гостиничный номер. Потушен свет. Засыпаю. На стену ложатся белые тени штор. Белые тени от окна ползают по потолку.

Я встаю с кровати, подхожу к балкону и чуть одергиваю занавеску: внизу патрули с ручными фонарями проходят вдоль гостиничного корпуса, просвечивая этажи.

Все, что было до этого, только эхо войны. Сейчас же почувствовал, что подо-

шел к войне, как к этому балкону, вплотную, как к этой шторе, прикоснулся к ней.

Костюмы, белые рубашки, галстуки — сегодня наши руководители подчеркнуто праздничны.

Город пуст. Лишь изредка прошмыгнет мимо нашего автобуса легковушка.

Напоминает ночь — только при свете. Светофоры работают в полную мощность — в оба глаза (желтый не в счет — он работает круглосуточно).

Рекламные вывески, баннеры с медведями и триколорами выцвели на солнце. Окна многоэтажек ощерились — их, наверное, тоже колют лучи.

Луганск похож на город-призрак.

Змейкой продвигаемся по кладбищенской дороге. Несем знамена и гвозди́ки — отдельно знамена, отдельно гвоздики.

Православные кресты чередуются пятиконечными звездами.

Черемуховые духи преследуют по аллее.

Мраморные памятники начала прошлого века сменяются гранитными плитами начала века нынешнего.

Могила Нины Иванцовой.

Еще недавно здесь был почти пустырь.

Имя участницы Великой Отечественной войны стерлось с надгробного камня и из истории города, ставшего ее последним приютом.

Сегодня все восстановлено.

Восстановлено теми луганчанами, кому нужна эта память.

Сегодня отдаем дань этой памяти.

Букеты сирени на надгробной плите укрывают имя Нины Михайловны.

Гвоздики, которые мы принесли, тоже ей.

Смотрю на барельефный портрет и вижу черты той женщины, которая была с нами на Саур-Могиле. Той женщины с *застывшими фаталистическими глазами*, которая оставила службу и поехала на Донбасс.

* * *

Могила Ефрема Андреевича Ворошилова. Железнодорожника, не дожившего до того момента, когда его сын, председатель Луганского рабочего совета, стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

(Луганск дважды — с 1935-го и с 1970-го — был Ворошиловградом.)

Пожилые женщины в беседке у кладбищенских ворот, увидевшие нас — Серегу, Васю и меня, несших знамена и замыкавших делегацию — дождались, когда все пройдут, подозвали к себе и спросили:

— Ребята, что за праздник?

УНИВЕРСИТЕТ

Луганский национальный университет. На ступеньках вуза нашу делегацию встречают человек десять студентов и пара преподавателей во главе с завкафедрой журналистики профессором Юрием Павловичем Фесенко.

Он не зря работает в университете, носящем имя Казака Луганского: научно-профессиональная деятельность Юрия Павловича — далеведение.

Но сегодня у профессора Фесенко другая миссия: принять от делегации Союза писателей России выпущенный в минувшем году издательством «Вече» роман Александра Фадеева «Молодая гвардия».

Издание, которое сопредседатель правления Союза писателей России Сергей Котькало от имени российского писательства вручает Юрию Павловичу Фесен-

ко — члену правления Луганской писательской организации имени того же Даля — незнаменитая первая версия знаменитого фадеевского романа.

Та изначальная версия, которая была издана в 1946 году.

Та версия, которую, по легенде, раскритиковал лично товарищ Сталин — за изображение «организации, эффективно, но при этом без партийного руководства борющейся с врагом на оккупированной территории».

Та версия, от которой пришлось отказаться Александру Фадееву, в конечном счете переписавшему роман. После чего он вышел во второй редакции в 1952 году. (Вот эту-то версию и знает преобладающая часть населения бывшего Советского Союза; в современной российской школе «Молодую гвардию» не проходят.)

А на свежевыкрашенной стене университета вывешенные на днях мемориальная доска и барельеф, с которого смотрят на меня все те же *застывшие фаталистические глаза*.

Надпись на мемориальной доске:

ИВАНЦОВОЙ НИНЕ МИХАЙЛОВНЕ
19.XI.1923 — 1.I.1982

Отважной разведчице «Молодой гвардии»
Фронтовой связистке Красной армии
Сотруднице нашего Университета (1964–1973)

Коленопреклоненные жители
и защитники непокоренной Луганщины
7.V.2018

Воссоздано взамен утраченного
Кафедра Промышленного и Художественного Литья ЛНУ им. В. Даля
Кафедра Журналистики ЛНУ им. В. Даля
при содействии Союза социальных предпринимателей ЛНР

* * *

ЛУГАНСК / НОВОСТИ ЛНР
12 мая в 10:37

12.05.18. Официальные утренние сводки от МО ДНР и НМ ЛНР.

От МО ДНР: «Представительство Донецкой Народной Республики в СЦКК уведомляет: за истекшие сутки общее количество нарушений со стороны ВСУ составило — 35 раз. По территории #ДНР, в нарушение Минских соглашений, а также договоренностей о перемирии, применялось следующее вооружение.

Горловское направление: гаубицы 152 мм — 2 раза (20 снарядов); минометы 120 мм — 9 раз (161 мина), 82 мм — 4 раза (70 мин); БМП/БТР — 3 раза (262 выстрела); РПГ/СПГ — 18 гранат; АГС — 4 раза (232 гранаты); крупнокалиберное стрелковое оружие — 3 раза; легкое стрелковое оружие — 5 раз.

Донецкое направление: минометы 120 мм — 1 раз (2 мины), 82 мм — 4 раза (18 мин); БМП/БТР — 3 раза (129 выстрелов); РПГ/СПГ — 42 гранаты; АГС — 6 раз (203 гранаты); крупнокалиберное стрелковое оружие — 2 раза; легкое стрелковое оружие — 8 раз.

Мариупольское направление: минометы 82 мм — 1 раз (2 мины); БМП/БТР — 1 раз (4 выстрела); РПГ/СПГ — 14 гранат; АГС — 2 раза (58 гранат); крупнокалиберное стрелковое оружие — 2 раза; легкое стрелковое оружие — 3 раза.

В зоне обстрела со стороны ВСУ оказались следующие районы/населенные пункты: Горловка (Широкая Балка, Зайцево, Верхнеторецкое, Озеряновка, пос. ш-ты Гагарина, Доломитное), блокпост Майорск, Докучаевск, Аэропорт (Вольво-центр, Спартак), Ясиноватая (Васильевка, Крутая Балка), Коминтерново, Дзержинское, Ленинское, Октябрь.

Вчера в результате обстрела со стороны ВСУ ранение получили два мирных жителя:

Матющенко К.Н., 1966 г.р. — жительница н.п. Докучаевск;

Швыдкой В.В., 1981 г.р. — житель н.п. Зайцево.

Повреждены два домостроения в н.п. Зайцево:

ул. Полетаева, 183 — попадание в кровлю;

ул. Полетаева, 185 — попадание в хозяйственную постройку (сгорела).

Кроме того, обстрелу подверглась школа-интернат в н.п. Докучаевск по адресу ул. Ленина, 40 — повреждены двери и остекление.

Общее количество примененных ВСУ боеприпасов — 1258 единиц.

В предыдущие сутки количество боеприпасов, примененных по территории ДНР, составило 516 единиц.

После 03:00 зафиксированы обстрелы со стороны ВСУ по следующим направлениям:

08:25–08:55 — н.п. Жованка — н.п. Зайцево.

05:25–05:55 — н.п. Жованка — н.п. Зайцево.

05:00–05:30 — н.п. Новгородское — н.п. Широкая Балка.

04:45–05.15 — пос. ш-ты Южная — пос. ш-ты Гагарина.

От НМ ЛНР: «За сутки украинские силовики 6 раз нарушили режим прекращения огня, применив минометы 120-мм и 82-мм, АГС, СПГ и БМП, стрелковое и крупнокалиберное оружие. Обстрелам подверглись позиции НМ ЛНР в районе н.п. Калиновка, Лозовое, Нижнее Лозовое, Калиново и Желобок.

В 10.15 11.05 АГС (29), СО — с направления Луганское — в направлении Калиновка.

В 10.55 11.05 КК, СО — с направления Светлодарск — в направлении Лозовое.

В 13.05 11.05 МО 120 мм (10) — с направления Луганское — в направлении Нижнее Лозовое.

В 14.20 11.05 МО 120 мм (10), БМП-1 (18) — с направления Троицкое — в направлении Калиново.

В 18.35 11.05 МО 82 мм (3), БМП-1 (4), КК, СО — с направления Причепиловка — в направлении Желобок.

В 20.50 11.05 МО 82 мм (15), СПГ (10), АГС(29) — с направления Крымское — в направлении Желобок.

Разрушений нет. Потерь среди гражданского населения нет. Потери среди военнослужащих:

В результате обстрела территории Луганской Народной Республики в 13.05 11.05.18 г. со стороны ВСУ (МО 120 мм (10 мин) с направления ЛУГАНСКОЕ в направлении НИЖНЕЕ ЛОЗОВОЕ) получил осколочное ранение, несовместимое с жизнью один военнослужащий Народной милиции».

Запись в сообществе ВКонтакте

БИБЛИОТЕКА

Из атмосферы мирного сосуществования города и Луганской республиканской библиотеки имени Горького выбивается разве что надпись на дверях при входе: «С оружием вход запрещен».

У парадного порога — памятник автору «Слова о полку Игореве». Что это конкретно за исторический персонаж — Боян ли, сам князь — на памятнике не указано. Просто — автор.

По одной из версий, схватка князя Игоря с половцами была именно на Луганщине — близ Северского Донца (а не Дона).

Впрочем, профессор Фесенко считает, что цели похода были отнюдь не военные, а вполне мирные — дипломатические.

Все неоднозначно на луганской земле.

На стене библиотечного холла — политическая карта СССР (помню, такая же висела у моей прабабки в кладовой).

В главном зале, метров десять в высоту, стенопись в стиле соцреализма — идея торжества мысли.

Рядом с монументальным бюстом «Буревестника революции» — выставка документального наследия Максима Горького из фондов библиотеки.

К празднику — подборка печатной, преимущественно советской, продукции об актерах-фронтовиках и военных фильмах. В глаза бросается материал журнала «Культпоход» за 2003 год — «Шпион, которого мы любим» — о моем любимом Штирлице.

На офисном стуле — стилизация военных лет: походная фляжка, гимнастерка, офицерский планшет. Солдатская фуражка: тулья защитного цвета, черный околыш, черные лаковые козырек и подбородный ремешок.

Вспоминаю случай, произошедший со мной за десять дней до экспедиции.

На первомайские выходные приехал домой в Лебедянь. Родители затеяли мини-ремонт — с вещами, занимавшими много места и казавшимися бесполезными, пришлось распрощаться.

Мама дает в руки такую же фуражку (помню, как-то взял ее у друга, а ему, в свою очередь, от бабушки досталась):

— Отнеси на мусорку. Толку от нее никакого — только в шкафу пылится.

Как послушный сын, пошел, куда послали.

На пороге вдруг остановился: красная звездочка на кокарде майским лучом кольнула глаза.

Я вернулся домой и сказал:

— Мама, давай оставим!

…Кажется, все средоточие культурной жизни Луганска — сегодня, сейчас — здесь, в этой библиотеке. Телевидение, журналисты. Поэты, прозаики. Педагоги. Военные и ветераны. Студенты, школьники, дети.

Кажется, обыкновенная жизнь обыкновенных людей — вот дочка пяти-шести лет рисует фломастерами цветы на маминых руках. А мама читает свои стихи.

Здесь и рушится лже-гармония: стихи-то — о войне. Не о лже-войне — надуманной и кажущейся (о которой я сам писал по юности), а о той, с которой каждый из них пересекся вживую. И остался — один на один.

Позже Аня Ковалева мне скажет, что поездка помогла ей избавиться от энциклопедичного, «мертвого» представления о войне, в частности, после общения со студенткой Настей из Луганска.

Настя вспоминала, как всей семьей они забились в одну комнату, когда снаряды падали рядом с их домом. Один упал в соседний двор, где жила Настина бабушка. Те, кто были во дворе в тот момент, погибли.

Бабушка уцелела.

— Я поймала себя на мысли, — говорит Аня, — что зло повторяется на земле несчетное количество раз. Та же Саур-Могила: было жутко видеть могилы тех, кто уже в сегодняшние времена защищал высоту, за которую наши солдаты бились во времена Великой Отечественной. Исключение лишь в том, что в этот раз защищали от своих же. Я вдруг поняла, что… так было, так есть и так будет всегда.

* * *

— Что вы везете с собой с Донбасса? — заведующая библиотекой, направляющая диалог наших сторон в нужное по сценарию русло, задает вопрос молодым российским литераторам.

— Я везу с собой, — встаю из-за стола, говорю как можно громче (зал большой, в зале человек пятьдесят, говорю без микрофона), — камень с Саур-Могилы, который ношу на сердце!

Достаю из левого нагрудного кармана кулак, протягиваю в зал, разжимаю — на ладони кусок гранита:

— Но везу, чтобы не бросить его в толпу, а положить на своем рабочем столе. Чтобы писать о том, что это за обломок, и помнить о том, откуда он.

Сейчас, сидя за этим самым столом, я пишу эти строки, перебирая в руках этот камень, нагретый желтым светом настольной лампы, и в воображении моем огненными вспышками и разрывами снарядов сверкают на свету его кристальные осколки.

Т-64БВ

Опять дорога.

Опять разбитые селения.

Поселок Хрящеватое — первое из таких на пути в Краснодон.

У обочины — памятник. Нерукотворный.

Вернее, он был рукотворным — до того, как стал памятником. Танк Т-64БВ.

В августе четырнадцатого он сражался за Новосветловку — поселок в восьми километрах от Хрящеватого.

В неравном бою получил восемь ранений.

Последнее — в голову. В башню.

Но мозг — экипаж — оставался жив.

«Командир стрелял, когда горели его ноги».

Так рассказывали Владимир Афанасьевич Казмин и Василий Владимирович Дворцов.

Мертвую броню местные поселенцы вернули к жизни: установили подбитый танк на каменные плиты, обнесли территорию украшенной цветами и венками оградой, изготовили мемориальную доску.

Где же только они — эти местные поселенцы?

Где старожилы?

Где молодежь?

Старожилы — в луганской земле.

Молодежь — на русской.

Каждый день вижу ее, когда иду по факультету.

Опять — дорога.

«СПАСИБО, РОССИЯ!»

«И что это за земля такая, откуда взялась, кому принадлежит и в какую сторону вертится? Или не вертится, а лежит неподвижно? Но на чем лежит — на каких китах?»

Так думал я, стоя на краснодонской земле, на вершине шахты номер пять у мемориального комплекса на месте шурфа — на месте гибели молодогвардейцев, сброшенных на дно этого шурфа в январе сорок третьего.

Так думал я, стоя на краснодонской земле, на вершине шахты номер пять, как стоял вчера на вершине Саур-Могилы. Та же земля: суровая и цветущая, скорбная и светлая, голая и стойкая — что донецкая, что луганская...

Так думал я, стоя на краснодонской земле, на вершине шахты номер пять — на земле, где живут люди, говорящие на русском языке. А надпись на памятнике «Клятва» — на памятнике Олегу Кошевому, Ульяне Громовой, Ивану Земнухову, Сергею Тюленину, Любови Шевцовой, дающим клятву бороться с врагом, вторгнувшимся в родную землю — на украинском:

«Героям «Молодої гвардії» від Ленінської Комуністичної Спілки Молоді України».

«Героям «Молодой гвардии» от Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Украины».

Так думал я, стоя на краснодонской земле, на вершине шахты номер пять — на земле, где под колокольный звон отстраивающегося православного храма цветет каштан. Где на братской могиле молодогвардейцев, возле памятника «Скорбящая мать», горит Вечный огонь. Такой же, как на Могиле Неизвестного солдата на Красной площади в Москве. На Памятнике Славы у братской могилы воинов Красной Армии, погибших в боях за Воронеж. На воинском кладбище солдат и офицеров, умерших от ран в госпиталях Лебедяни...

Все так же — даже пьют так же. Как в каких-нибудь Тербунах или в какой-нибудь Васильевке. Зайдет в приграничный ларек изваринский мужичок, протянет полтинник, попросит пятьдесят граммов и конфетку. Какая-нибудь Зиночка обслужит его: нальет в граненый стакан, пока в микроволновке разогреваются наши с Васей пирожки, купленные за минуту до и двадцать минут после.

После того, как всех нас — всю делегацию — поставили к большому памятному знаку на границе Изварино и Ростовской области.

Поставили для коллективного фото.

Возле трехцветной надписи «Спасибо, Россия!» и макета фуры с гуманитарной помощью.

Возле так называемой «дороги жизни» Изварино-Луганск, по которой с августа четырнадцатого идут российские конвои с «гуманитаркой».

А на заднем плане, за надписью «Спасибо, Россия», за дорогой — домик с выбитыми окнами и обвалившейся крышей.

Мужичок пьет в несколько тяжелых, провисших, как его кадык, глотков, берет на кассе с подставки для мелочи конфетку и уходит.

Забираем с Васей пирожки — и вслед за мужичком.

Майское солнце. Запахи цветения. Тишина явная, легко ощутимая. Но сложно поддающаяся вере, словно затаившаяся, выжидающая. И сутулая спина мужичка, идущего *своей* дорогой.

* * *

Увозили на Донбасс запах дыма от разведенного у воронежской трассы костра — мирного костра.

Везем в Россию запах другого дыма — из костра войны.

По возвращении домой спросят:

— По ощущениям, когда все это кончится?

— По ощущениям, это либо уже кончилось, либо все только начинается.

Ощущения не солгут: через несколько дней после нашего возвращения военные действия на Донбассе стянутся вокруг Горловки и Донецка.

ЛУГАНСК / НОВОСТИ ЛНР
12 мая в 16:18

НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА НАСТУПЛЕНИЯ ВСУ ПОД ГОРЛОВКОЙ

ВСУ предприняли попытку войти в Никитовский район города Горловки силами до двух взводов. Эта попытка оказалась не только неудачной, но и ВСУ лишились одной из важных высот в данном районе. Пытаясь оправдать собственный провал, ВСУ не стали отходить на исходные позиции и остановились в находившемся в межпозиционном пространстве дачном поселке, называемом местными жителями Чигири, где пытаются удержаться, используя местное население в качестве живого щита. Данный дачный поселок находится в низине, на тактически невыгодных позициях, и к обороне не пригоден.

Запись в сообществе ВКонтакте
1 июня 2018, Воронеж